

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

А.М. КОРБУТ

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК И ПРАКТИЧЕСКАЯ МУДРОСТЬ ХОДЬБЫ В ТОЛПЕ¹

Аннотация. В статье предлагается вернуться к рассмотрению «толпы» как объекта социологического анализа. На заре социологии толпа привлекала внимание социологов, поскольку была наглядным воплощением социальных сил, превосходящих отдельных индивидов, а также служила символом глубоких социальных преобразований, происходивших в конце XIX — начале XX века. Благодаря анализу толп первые социологи — Г. Зиммель, Р. Парк, М. Вебер, Э. Дюркгейм — смогли противопоставить психологической трактовке массовых социальных явлений сугубо социологический подход. Однако во второй половине XX в. толпа стала малоинтересной для социологии, поскольку не соответствовала ни задачам исследователей «больших» социальных структур, ни точке зрения последователей интеракционистских подходов. В настоящей статье показывается, что толпу можно снова сделать социологически интересной, если рассмотреть ее с точки зрения повседневных практик участников. В этих повседневных практиках реализуется специфическая форма фронесиса, то есть практической мудрости, технического умения, сопряженного со способностью морального суждения о том, какое действие является хорошим, а какое — плохим. В статье показывается, что изучение практической мудрости ходьбы в толпе требует особых понятий и методов, которые можно найти в феноменологии и этнометодологии. Для анализа толп предлагается использовать такие три понятия: феноменальное поле, ориентированный объект, фигурация деталей. При помощи этих понятий анализируются методы производства ситуативного социального порядка толпы, связанные с управлением скоростью и траекториями движения, следованием друг за другом, остановками и торможениями и вливанием в толпу. Такой анализ позволяет показать,

Корбут Андрей Михайлович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Центр фундаментальной социологии, НИУ «Высшая школа экономики». Адрес: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, к. А205. Телефон: +7 (916) 889-40-71. Электронная почта: akorbut@hse.ru

¹ В данной работе использованы результаты проекта «Реакция, справедливость и прогресс: социальный порядок в перспективе фронетических социальных наук», выполняемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2018 г.

что совместное производство социального порядка толпы ее участниками носит ситуативный характер, то есть заключается в придании локальным сценам повседневной жизни знакомости и понятности и предполагает оценку локальной адекватности совершаемых действий.

Ключевые слова: толпа; социальный порядок; феноменология; этнометодология; повседневность; фронесис; практическая мудрость; социальные практики; метро.

Для цитирования: Корбут А.М. Социальный порядок и практическая мудрость ходьбы в толпе // Социологический журнал. 2018. Том 24. № 4. С. 8–29. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.4.6095

Введение

Толпы преследовали социологию в качестве предмета рефлексий и фантазий с момента ее появления. Толпы были одновременно чем-то пугающим и опасным, поскольку ассоциировались с преступностью, безумием, бунтами и революциями, и привлекательным, поскольку символизировали глубинные социальные процессы. Для социологии толпа была своего рода эмблемой, поскольку воплощала те силы, специфика которых оправдывала претензии социологии на самостоятельность²: толпа наглядно свидетельствовала, что людьми в обществе движут силы, превосходящие не только отдельных индивидов, но и их сумму. Кроме того, толпы были связаны с важными социальными трансформациями, происходившими в западных обществах в конце XIX – начале XX века, когда институционализировалась социология. Одной из ключевых тенденций была урбанизация, которая приводила к появлению социальных сред, делавших неизбежными массовые явления. В городах властвовали толпы³. Все это обусловило огромный интерес к толпам на ранних этапах развития социологии.

Во второй половине XX века, однако, исследования толп оказались вытеснены на периферию социальных наук. Связано это, вероятно, с двумя обстоятельствами. С одной стороны, поскольку понятие «толпа» было изначально двусмысленным (им обозначали как конкретные наблюдаемые скопления людей, так и вообще «обычных людей», или «чернь»), для описания «всех людей» социологи создали новые понятия, которые более точно схватывали специфику их предмета и выражались при помощи специали-

² О том, как понятие «толпы» использовалось для отстаивания дисциплинарной специфики социологии, см. книгу Кристиана Борха «Политика толп: альтернативная история социологии» [15].

³ Например, Фердинанд Тённис, обсуждая типы «интегрального существа», то есть народа, выступающего в качестве субъекта позитивного права, выделяет «городское интегральное существо», в котором общее владение землей и почвой не играет принципиальной роли. В силу этого в городской жизни толпа приобретает характер движущего начала, подобного «головному мозгу в способном к восприятию и волею теле» [14, с. 324].

зированных терминов (например, «социальная структура», «солидарность», «легитимный порядок»). Эти термины были необходимы, поскольку позволяли рассматривать организацию общества как целостную систему, не прибегая к привычным делениям, например, между «народом» и «элитой»⁴. Кроме того, анализ таких социальных единиц, как группы, институты, государства и т. д., позволял «дематериализовать» социальное, отделить его от слишком наглядного феномена толпы, что делало возможным «эзотеризацию» социологической методологии, обоснование ее эксклюзивной способности предоставлять доступ к социальному. С другой стороны, по мере развития интеракционистских подходов социологи начали изучать взаимодействие людей в повседневных ситуациях, для чего им пришлось изобрести ряд понятий, описывающих особенности непосредственных контактов, но неприменимых для анализа толп⁵.

В результате к концу XX века толпа перестала привлекать исследовательское внимание и стала второстепенной темой. Толпы «устарели». Интерес к ним начал усиливаться лишь после обширного распространения цифровых коммуникационных технологий, которое заставило переосмыслить многие социальные явления, в том числе толпы. Наиболее показательной в этом отношении стала книга писателя и журналиста Говарда Рейнгольда «Умная толпа» [11]. Поскольку новые способы коммуникации позволяют устанавливать отношения между людьми, не сталкивающимися лицом к лицу, толпы стало возможно рассматривать не столько как скопления людей, сколько как распределенный во времени процесс, лишь на одной из фаз приводящий людей в физический контакт друг с другом. Эта работа вернула толпы в центр внимания, однако за это пришлось заплатить слишком высокую цену: понятие толпы стало настолько размытым, что превратилось практически в синоним «социального».

Поскольку толпы никуда не девались и по-прежнему представляют собой распространенный элемент повседневной жизни, стоит попробовать выработать новый подход к ним, который снова сделает их интересными, при этом сохранив их специфику. В данной статье будут предложены базовые принципы такого анализа толп с опорой на фе-

⁴ Или между «толпой» и «героем», как в известной работе Н.К. Михайловского [9].

⁵ К примеру, попытка применить знаменитое гофмановское понятие «лица» к толпе, скорее всего, закончится провалом. Поэтому социологи, описывающие поведение в публичных местах (см., например: [27]), рассматривают скорее отношение отдельного человека к толпе, чем толпу саму по себе [27, с. 162–168]. Сам Гофман тоже сталкивался с трудностями при описании феноменов поведения в толпе (см.: [24]). В толпах его интересуют скорее моральные отношения участников, чем социальная организация толпы. Например, для него переполненный вагон метро — это место, где мужчины могут стоять, взявшись обеими руками за вертикальный поручень на большой высоте, чтобы никто не мог обвинить их в приставании к женщинам [24, с. 133].

номенологическую и этнометодологическую традиции в социологии. Ключевая идея данного подхода заключается в рассмотрении толпы «изнутри», с точки зрения находящихся в ней людей, то есть как организованного феномена, производимого совместными ситуативными действиями участников и заключающегося в этих действиях. Такой подход предполагает рассмотрение толпы как специфической практики, где реализуется некоторая «практическая мудрость», то есть умение анализировать и создавать происходящее как организационный феномен. Практическая мудрость, или фронесис (понятие Аристотеля), стала с недавних пор обсуждаться в социальных науках вследствие стремления сделать предметом социологического изучения феномены, не сводимые ни к научным моделям повседневных практик, ни к техническим навыкам [21, с. 3–4]⁶. Для теоретиков практической мудрости преимущество этого понятия состоит в том, что оно позволяет соединить прагматику человеческого действия и ценности, которые с этим действием связаны⁷. Однако простое утверждение, что в практическом действии реализуются представления о хорошем и плохом и что совершаемые в повседневной жизни поступки основываются не только на инструментальных, но и на ценностных соображениях, не дает ничего нового, если мы не респецифицируем практическую мудрость как элемент ситуативной практики. Именно эта задача будет решаться в данной статье применительно к анализу поведения в толпе. Будет показано, что в результате использования ряда понятий, взятых из феноменологии и этнометодологии, практическую мудрость можно описывать как ситуационный феномен, для чего необходима методология, позволяющая схватывать детали социального порядка.

Толпа как социологический феномен

Чтобы показать специфику феноменологического и этнометодологического подходов к толпе, необходимо остановиться на том, как формировался социологический взгляд на толпы.

Социологи не были первыми, кто обратил внимание на толпы. Скорее, социологи перехватили обсуждение у психологически ориентированных исследователей (прежде всего у Г. Тарда [13], Г. Лебона [7], С. Сигеле [12]), начав рассматривать толпы не столько с точки зрения механизмов воздействия индивидов друг на друга, сколько с точки зрения социальных эффектов, производимых толпой⁸. В этом отно-

⁶ Предшественником современных социологических исследований фронесиса можно считать Пьера Бурдьё с его идеей практического чувства, или чутья [2]. Для философского обоснования этого понятия важное значение имела книга Джозефа Данна «Назад к скальному грунту: способность практического суждения и соблазн техники» [19].

⁷ Поэтому понятие фронесиса хорошо подходит для анализа профессиональных практик. См., например: [34].

⁸ Прекрасный обзор психологических концепций толпы и социально-политических условий их появления см. в [10].

шении показательны принципиальные разногласия между Г. Тардом и Э. Дюркгеймом. Впрочем, разницу между психологическим и социологическим взглядами на толпу лучше проиллюстрировать различиями между взглядами Г. Лебона, Г. Зиммеля⁹ и Г. Блумера, поскольку Дюркгейм не оставил эксплицитной концепции толп¹⁰.

Для Лебона толпа — некоторое единство, обладающее особой «душой»: «При известных условиях... собрание людей имеет совершенно новые черты, отличающиеся от тех, которые характеризуют отдельных индивидов, входящих в состав этого собрания. Сознательная личность исчезает... Образуется коллективная душа, имеющая, конечно, временный характер, но и очень определенные черты. Собрание в таких случаях становится тем, что я назвал бы, за неимением лучшего выражения, организованной толпой или толпой одухотворенной, составляющей единое существо и подчиняющейся *закону духовного единства толпы*» [7, с. 131–132]. Для Лебона толпа — самостоятельное социальное явление, но лишь в том смысле, в каком в ее основе лежит психологический механизм обезличивания. Толпа становится металичностью. В толпе все люди оказываются одинаковыми и не властными над собой. С социологической точки зрения такой подход страдает двумя недостатками. Во-первых, он не показывает реальное значение толпы для общества. Это значение, как отмечает Зиммель, состоит в том, что на самом деле толпа является, скорее, не механизмом объединения людей в неразличимую массу, а инструментом усиления или даже производства все большей индивидуализации и отчуждения друг от друга, которые многократно усиливаются в больших городах: «...независимость индивидуума, являющаяся результатом взаимной замкнутости и безразличия, составляющих условия духовной жизни наших широких кругов, нигде не чувствуется так сильно, как в тесной сутолоке больших городов, потому что физическая близость и скученность только подчеркивают духовную отдаленность» [6, с. 8]. Как принципиально городской феномен, которому благоприятствует сама организация мегаполисов, толпа для Зиммеля представляет собой особую общность, в которой физическая близость лишь заостряет безразличие, которое испытывают друг к другу незнакомые люди, оказавшиеся вместе. В толпе становятся не важны любые социальные дифференциации, поскольку каждый оказывается равным другому в качестве анонимного и, в конечном итоге, не имеющего ничего общего с другими участниками быстро складывающегося

⁹ Необходимо помнить, что различия между Лебоном и Зиммелем не являются тотальными. Как и многие социологи начала XX века (тот же Парк, учившийся у Зиммеля), Зиммель во многом соглашался с характеристикой толпы, данной Лебоном. Например, Зиммель описывает толпу (или массу) с точки зрения ее «эмоциональности» и «настроения», которое охватывает всех ее членов [37, с. 34–36].

¹⁰ Об имплицитной концепции толп у Дюркгейма см.: [38].

и распадающегося скопления людей. Таким образом, большие города, с одной стороны, способствуют образованию толп (в силу значения, которое приобретает в них улица, и в силу того, что они привлекают большое число представителей самых разных социальных групп, которые в условиях города предельно атомизируются), а с другой — представляют собой особый социальный феномен, обусловленный опытом нахождения людей в толпе — как в реальной толпе на улице или в кафе, так и в виртуальной толпе многоквартирного дома.

Во-вторых, психологический подход Лебона неудовлетворителен для социологии потому, что на самом деле он не раскрывает механизм формирования толп, точнее, рассматривает этот механизм в качестве закона функционирования толпы. По мнению Г. Блумера [1], взаимное эмоциональное заражение участников толпы является не законом, а процессом. Толпа формируется в результате фиксации общего внимания на возбуждающем объекте, который вызывает эмоции, заставляющие индивидов действовать. В процессе последующей толчеи эти эмоции передаются участниками толпы друг другу. Тем самым Блумер рассматривает формирование толпы с сугубо социологической точки зрения — как процесс, опосредованный социальными представлениями, складывающимися и подкрепляющимися в ходе совместных действий¹¹.

Современные социологические исследования толп, основывающиеся не на теоретической рефлексии данного феномена, а на эмпирических наблюдениях, легко встраиваются в рассмотренный выше социологический подход к толпам. Если взять, к примеру, наиболее обширную и систематическую попытку описания толп в современной социологии — исследовательский проект Кларка Макфейла [29; 30; 31; 32; 36], то там толпа предстает как совокупность социальных агентов, совершающих определенные коллективные действия. Макфейл фокусируется на совместных действиях в толпе, которые он делит на 40 типов. Однако все эти типы предполагают взгляд на толпу извне — с точки зрения определенной социологической модели, — позволяющий фиксировать действия, выделяя их формальные признаки и давая им наименования. Например, среди типов коллективного действия в толпе Макфейл выделяет «бег», однако не показывает, в чем заключается бег для участников толпы.

¹¹ Данная точка зрения перекликается с подходом М. Вебера, который утверждает, что в случае массового поведения говорить о социальном действии можно, только если есть осмысленная ориентация участников толпы на действия друг друга: «Известно также, что действие отдельного человека может определяться просто фактом принадлежности к сконцентрированной людской массе... Такое действие, реактивно порожденное влиянием массы как таковой, но не *соотнесенное* с ним по смыслу, не подходит под понятие “социальное действие”» [3, с. 83]. Впрочем, как отмечает сам Вебер, граница между действием подражательным и действием, осмысленно ориентированным на другое действие, очень тонка, и для социологии оба типа поведения одинаково значимы.

Безусловно, сказанное выше не означает, что все социологи понимают толпы одинаково. У толпы много социологических ликов: это и «народ» (как у Тённиса), и «толчея» (как у Зиммеля), и «группа» (как у Парка), и «коллектив» (как у Блумера), и «скопление» (как у Макфейла). Представление о толпе всегда непосредственно связано с концепцией социального порядка, которой придерживается исследователь. В этом отношении взгляд на толпу, предлагаемый в настоящей статье, представляет собой еще один ракурс. Однако этот ракурс обладает той особенностью, что позволяет высветить аспект толпы, который в остальных социологических подходах является само собой разумеющимся и используется в качестве ресурса описания и анализа, — повседневный опыт толпы. Если в понятии толпы социологи концептуализируют многолюдность, то альтернативный подход требует рассмотрения того, в чем эта многолюдность заключается для ее участников не с точки зрения их переживаний, а с точки зрения организованных и организационных практик участия в ней. В этом отношении большинство существующих социологических подходов не позволяют рассматривать толпу как организованный повседневный феномен¹². Для этого нужны иные концептуальные основания и иная методология.

Толпа как повседневный феномен

В своих описаниях социальных феноменов социологи опираются на повседневное знание толп как на непроблематизируемый ресурс, который позволяет создавать и понимать социологические описания. Знакомость толп, их очевидность оказывается залогом адекватности описаний, но сама по себе не становится предметом анализа. С точки зрения большинства социологов, для участника толпы ее реальность недоступна. Соответственно, если мы покажем, что реальность толпы доступна для ее участников, мы сможем описать толпу как организованный феномен, показав ту упускаемую существующими социологическими подходами форму упорядоченности, которая не может быть сведена ни к чему другому. Такая альтернативная точка зрения на толпы позволит продемонстрировать существование видов спонтанной организации, которые обеспечивают стабильные свойства социального порядка, являясь при этом ситуационными по своему характеру. Стабильность толпы как спонтанной общности будет обеспечиваться не наличием опосредующих социальных представлений, формированием надындивидуальной целостности или осмысленной ориентацией участников на действия друг друга, а использованием процедур практической мудрости, то есть механизмами

¹² То же самое можно сказать и о многочисленных попытках физического и математического моделирования поведения толп (характерный пример: [25]). Толпа в этих исследованиях рассматривается как совокупность физических объектов, перемещающихся в пространстве, то есть при описании движения в толпе повседневный социальный опыт подменяется физическими закономерностями.

придания происходящему узнаваемого и анализируемого самими участниками обыденного характера. Для формулирования принципов такого подхода к толпам можно использовать некоторые концептуальные ресурсы, выработанные в феноменологии и этнометодологии.

Важность исследовательских инструментов, которые предоставляют эти два подхода, обуславливается тем, что предлагаемые в их рамках понятия требуют наполнения обыденным опытом, без которого они бесполезны. Если сформулировать это свойство в виде исследовательского принципа, то можно сказать, что феноменологические и этнометодологические понятия и способы описания должны не *абстрагировать* повседневные феномены, а *конкретизировать* их. Они указывают на направления детализации рутинных практик. В этом отношении феноменологию и этнометодологию можно рассматривать как два взаимосвязанных проекта, один из которых подготавливает другой. Феноменология, появившаяся хронологически раньше и оформившаяся прежде всего в качестве философской дисциплины, показала, каким образом можно двигаться «к самим вещам» [4, с. 17], то есть к тому, что непосредственно дано в обыденном опыте в некоторой конкретной форме данности. Вещи, о которых говорит феноменология, — это интендируемые вещи, на которые направлено наше восприятие в повседневной жизни (в «естественной установке» [5, с. 89–96]). Мы воспринимаем их как нечто существующее «там», конституируемое воспринимающим сознанием. Открытие практик конституирования повседневных вещей составляет принципиальное достижение феноменологии. Однако такой подход оставляет исследователя в области психологической проблематики, поскольку конституирование понимается как акт сознания. Принципиальное развитие феноменологических техник анализа предложила этнометодология Г. Гарфинкеля, где вещи, о которых говорит Гуссерль, — это организационные вещи, конституируемые социальными практиками, а не актами сознания¹³. Следовательно, при обращении к этим вещам необходимо выявлять обыденные социальные процедуры их производства в качестве существующих «там», в мире повседневного опыта.

¹³ Не будем останавливаться на взглядах А. Шюца, хотя именно он считается главным феноменологическим социологом. Для предлагаемого в данной статье анализа подход Шюца является скорее тупиковым, чем продуктивным, поскольку Шюц попытался выстроить социологический подход, в основе которого лежит рассмотрение не социальных практик, а социальных акторов, точнее, их сознания или мышления. Хотя Гарфинкель первоначально разрабатывал свою этнометодологию под сильным влиянием Шюца, собственно этнометодологический подход, во-первых, порывает с некоторыми базовыми допущениями Шюца и, во-вторых, оказывается ближе к феноменологии Гуссерля, чем к феноменологической социологии Шюца (см.: [23]). Это позволяет М. Линчу называть шюцеанскую версию этнометодологии «протоэтнометодологической» [28, с. 117–158].

В феноменологии выработан ряд понятий, которые, если их социологически переформулировать и дополнить некоторыми понятиями этнометодологии, позволяют схватывать повседневную реальность социальных практик, в том числе практик нахождения в толпе. Ключевым здесь является понятие *феноменального поля*, предложенное М. Мерло-Понти. Под феноменальным полем понимается локальная организация того, что дано сознанию в качестве вещей. С точки зрения Мерло-Понти, «лишь феноменология говорит о трансцендентальном поле. Это слово означает, что пред взором рефлексии нет и не может быть полного мира или множественности развернутых и объективированных монад, что она располагает всего лишь частичным видением и ограниченными возможностями» [8, с. 95]. В повседневности мы воспринимаем мир лишь из того положения, в котором в данный момент находимся. Мир в таком случае является полем, в центр которого помещено тело действующего, причем помещено в качестве конституирующего элемента этого поля. Данный подход предполагает, что тело — это «система возможных действий, некое возможное тело, феноменальное “место” которого определяется его задачей и его ситуацией» [8, с. 321]. Взаимосвязь возможностей телесного действия в мире и организации этого мира и будет составлять предмет нашего внимания при анализе феноменов порядка в толпе. Эта взаимосвязь, как показывает Мерло-Понти, определяется, с одной стороны, практическими задачами, которые решает в каждый момент времени действующий (или действующие), а с другой — структурой ситуации, в которой эти задачи решаются.

С понятием феноменального поля тесно связано понятие *ориентированного объекта*, предложенное Гарфинкелем [22, р. 179–181]. Если феноменальное поле заключается в упорядочивании объектов вокруг тела как центра, то сами эти объекты являются специфически ориентированными в отношении разворачивающейся практики. Их ориентированность указывает на то, что они воспринимаются действующим в качестве знакомых вещей, отсылающих одновременно к последовательности совершаемых действий и к другим объектам в соответствии с решаемой практической задачей. В качестве примера можно привести перемещение по хорошо знакомой улице, каждый объект которой по мере его появления в феноменальном поле идущего указывает (в качестве организации сменяющихся друг друга перспектив) на то, что совершается ходьба, а также на то, какой следующий объект появится в феноменальном поле. Если объект лишается ориентированности, он перестает давать подсказки действующему, который утрачивает понимание того, что он делает и где находится (как происходит, например, с человеком, оказавшимся на незнакомой улице). Ориентированность объектов в таком случае является локальным достижением, предполагающим такое упорядочивание текущей си-

туации, при котором в облике окружающих вещей мы обнаруживаем указания на адекватность или неадекватность наших действий.

Облик окружающих вещей, в свою очередь, представляет собой *фигурацию деталей*, если воспользоваться еще одним термином Гарфинкеля [22, с. 167, 177]. Понятие фигурации деталей обозначает тот аспект организации феноменального поля, который связан с доступностью ситуации действия для анализа действующим. В ходе действия действующий ориентируется не на поведение других участников и не на его смысл, а на анализируемость этих действий как фигураций деталей. Ориентированность организационных объектов тем самым свидетельствуется действующими в качестве упорядоченностей ситуационных подробностей действий и обстановки. Именно в фигурации деталей и посредством них участники находят и придают понятность происходящему. Следовательно, чтобы описать некоторое действие, например хождение в толпе, необходимо выявить те способы, которыми члены толпы упорядочивают ситуативные детали так, чтобы осуществлять ходьбу в толпе как рутинную практику.

Указанные феноменологические и этнометодологические понятия можно использовать для описания толп как организованных социальных феноменов. Эти понятия позволяют описывать толпу не с точки зрения формирующейся надындивидуальной общности или процессов заражения либо подражания, а с точки зрения ее феноменальной данности для участников. В этом случае толпа оказывается не монолитным сообществом, в котором каждый участник взаимозаменяем с другим, а совокупностью ситуативных действий, связанных с решением рутинных задач нахождения в толпе. Толпа становится последовательностью ситуативных упорядоченностей, фигурацией деталей, в которых участники узнают привычные организационные вещи. Далее я попробую некоторые из этих организационных вещей описать.

Методы производства социального порядка в толпе

Предметом предлагаемого ниже анализа будет ходьба в толпе¹⁴. Этот анализ основывается на опыте хождения автора в толпе, на многолетних (систематических и несистематических) наблюдениях внутри толпы и на нескольких десятках видеозаписей разных видов толп в разных обстоятельствах. Основным объектом изучения были толпы в метро, поэтому ниже будут обсуждаться именно они, однако эти наблюдения легко распространить и на другие виды толп. Автор снимал толпы как статично, «снаружи» (сбоку и сверху), так и динамично, из-

¹⁴ Это обстоятельство ограничивает распространение результатов анализа на статичные толпы, но лишь частично, поскольку при стоянии в толпе (например, на концерте) можно наблюдать похожие организационные феномены, связанные с производством локального порядка. Там тоже нужно ориентироваться на анализируемость действий окружающих и на конфигурацию ситуационных деталей, наглядно доступную здесь и сейчас в виде упорядоченности пустот и расстояний.

нутри, с точки зрения участника. Несмотря на то что внешняя съемка дает доступ к большому количеству деталей, она менее продуктивна для понимания того, каким образом производится ходьба в толпе как организационный феномен. Съемка «на ходу» дает гораздо более ограниченный доступ, однако она более адекватна перспективе идущего. При этом следует помнить, что любая форма видеозаписи является, скорее, удобной подсказкой, но не заменой прямого опыта. Люди ориентируются в окружающем мире не как роботы, ведущие фиксацию происходящего и сопровождающие ее интерпретациями. Чтобы схватить феномены социального порядка, как они явлены их «производителям», необходимо феноменологическое описание умелого действия, в котором реализуется конкретная форма практической мудрости.

Общие свойства толп в метро

Толпы в метро характеризуются достаточно высокой динамичностью и значительными колебаниями плотности в течение дня. Кроме того, плотность толпы в метро зависит от архитектурных особенностей станций и переходов. И хотя в повседневной жизни люди сталкиваются с толпами также на улицах, в торговых центрах, на митингах, на общегородских празднествах, на концертах, метро является наиболее интересной отправной точкой для анализа толп, поскольку толпы в метро рутинизированы гораздо больше прочих видов толп и демонстрируют значительное организационное разнообразие.

При взгляде со стороны толпа кажется равномерным распределением людей по доступному пространству станции, перехода или эскалатора, однако толпа, как она дана в феноменальном поле участника, представляет собой разнородную организацию тел, вещей, пустот и дистанций, которые указывают участнику на возможные последующие действия других и на его собственные возможности. Таким образом, участники толпы непрерывно создают определенный облик толпы, доступный из данного конкретного места каждому ее участнику и подсказывающий ему, что происходит и как себя вести.

Если попытаться обобщить повседневный опыт толпы, то он заключается в использовании заполненных и пустых мест, образующихся в результате действий участников. Эти заполненные и пустые места не являются объективно данными геометрическими участками. Они идентифицируются участниками в качестве мест, в которых возможны, совершаются или совершались определенные социальные действия. Если и можно сформулировать правило, которому следуют члены толпы, то это правило минимизации пустот с тем принципиальным уточнением, что пустоты воспринимаются только изнутри конкретного феноменального поля, поэтому то, что в одной ситуации будет казаться пустотой, требующей заполнения, в другой — будет восприниматься иначе. Например, для идущих в разреженной толпе большая дистанция между участниками не будет «пустотой».

Пустоты и заполненные места могут быть различного «размера». Их размер создается и оценивается в контексте разворачивающейся практики участников толпы. Постоянно трансформирующееся заполненное и пустое пространство внутри толпы соотносится не с какой-то моделью происходящего (например, с набором правил этикета), а с ситуативными действиями. Несмотря на то что в каждый момент времени в толпе складывается уникальная ситуация, для участников это всегда методическая уникальность, которая требует производства стабильного порядка из любых актуальных деталей, которые оказываются доступны в результате их деятельности.

Сказанное выше не означает, что повседневный опыт движения в толпе — это опыт топологического мышления. Напротив, в дальнейшем я постараюсь показать, что пустоты и расстояния — это социальные феномены, поскольку это пустоты и расстояния между *людьми*, выступающими в процессе ходьбы в толпе в определенном социальном качестве как части тех феноменов порядка, которые производятся здесь и сейчас. Поэтому, хотя я буду говорить об одиночках, предлагаемый способ рассмотрения можно распространить и на движение «вместе»¹⁵. В этом случае необходимо будет анализировать, каким образом определенные участники толпы сохраняют это свойство «вместе» как наблюдаемую характеристику их ходьбы.

Рассмотрим некоторые типичные методы организации ходьбы в толпе. Эти методы лучше всего наблюдать в разреженных толпах, однако многие из последующих наблюдений релевантны и для более плотных и статичных толп. Для упрощения анализа будем анализировать только методы, связанные с движением в толпе, идущей в одном направлении¹⁶. Эти методы объединены в тематические группы в соответствии с присущими им свойствами.

Скорость и траектория

В движущейся толпе первое, что бросается в глаза, — различная скорость отдельных участников. Скорость может обуславливаться индивидуальными особенностями (возраст, физическое здоровье, наличие вещей и др.), однако при этом скорость всегда рассматривается участниками не как индивидуальная характеристика человека, а как автохтонный феномен самой толпы, то есть как характеристика, кото-

¹⁵ «Вместе» (with) как социальную единицу описал И. Гофман [24, с. 19–27].

¹⁶ Разумеется, разнообразие повседневного опыта толпы не исчерпывается движением с другими людьми в одном направлении. В различных частях метро идущие могут сталкиваться со встречным или поперечным потоком людей, могут разбиваться на отдельные потоки, превращаться в шеренгу идущих друг за другом по одному людей и т. д. Все эти организационные обстоятельства также требуют анализа, который, однако, выходит за рамки настоящей статьи.

рой индивидуальный член толпы должен управлять в зависимости от складывающихся обстоятельств. Ожидается, что люди, идущие в толпе, будут учитывать скорость окружающих и не создавать для них помех.

Несмотря на то что скорости отдельных участников редко совпадают, их скорость определенно влияет на скорость других. Часто можно наблюдать, как в толпе образуется цепочка более медленно идущих людей, которая выстраивается за одним «тормозящим» человеком. Такие «заторы» довольно быстро распадаются, но они свидетельствуют о том, что скорость отдельных участников толпы — это публично доступный и коллективно создаваемый феномен, который является одновременно функцией и условием скоростей других участников.

Даже самая плотная толпа предоставляет идущим возможность изменения своего положения за счет изменения скорости. Люди, которым по какой-либо причине надо пройти быстрее, используют образующиеся пустоты, чтобы опередить других участников. Иногда эти пустоты складываются в своеобразные коридоры, по которым члены толпы могут передвигаться даже бегом. Хотя собственно бег встречается редко, очень часто можно видеть, как люди, идущие быстрее окружающих, маневрируют в толпе. Маневрирование предполагает использование ситуативных возможностей прохода, предоставляемых текущими обстоятельствами, а также предугадывание этих возможностей исходя из скоростей и направлений движения других участников. По мере движения человека в толпе перед ним открываются и закрываются проходы, которыми он может, а в некоторых случаях и обязан пользоваться. Речь идет не только о моральном праве, но и о моральном обязательстве, поскольку создаваемый в толпе локальный порядок имеет моральный характер, то есть каждое действие участников воспринимается как действие, имеющее последствия для других участников, и потому ожидается, что оно будет выстраиваться с учетом этих последствий. В толпе можно идти «хорошо» и «плохо».

При этом необходимо учитывать, что в феноменальном поле идущего в толпе человека находятся не только люди, вещи, пустоты, стены и ограждения, попадающие в его поле зрения, но и то, что человек сейчас не видит, например люди, которых он/она только что обогнал/а. Движение в толпе имеет темпоральную структуру, которая инкорпорируется в последовательность совершаемых действий в том смысле, что, например, когда один участник обогнал другого, он/она теперь знает, что резкое торможение может привести к столкновению с идущим сзади. Прошрое событие, воплощенное в последовательности действий, включается в текущую ситуацию как обстоятельство будущих действий.

Следование за другими

Другие люди, среди которых и вместе с которыми идет в толпе каждый участник, являются ориентированными объектами. Это означает, что участники толпы ориентированы в отношении разворачивающихся

практик. Такая ориентация всегда имеет конкретные организационные формы. Одна из наиболее распространенных форм — следование друг за другом. Каждый участник может «положиться» на другого в том, что касается направления и скорости движения, то есть начать идти «на поводу» у впереди идущего. Идущий впереди указывает идущему сзади, как ориентирована толпа, и, соответственно, сам выступает не только обстоятельством движения в толпе, но и его условием. Он/она подсказывает идущему сзади, как тому/той двигаться. Идущие сбоку и сзади тоже дают такие подсказки, однако идущий впереди характеризуется тем, что можно двигаться по его/ее стопам, поскольку он/она уже столкнулся/ась с той ситуацией, с которой идущему сзади еще только предстоит столкнуться, и сориентировался/ась в ней. В толпе можно часто наблюдать такие ориентированные кластеры, участники которых идут друг за другом. Их ориентация друг на друга не имеет жесткого характера; они могут достаточно легко смещаться в сторону и ориентироваться на других впереди идущих, однако в любом случае наличие подобных ориентированных объектов позволяет идти в толпе, не уделяя постоянное внимание всему происходящему вокруг (некоторые на ходу читают книгу или газету, играют в компьютерные игры, набирают текст в мобильном телефоне).

Наличие впереди идущего как ориентированного объекта в феноменальном поле участника связано с рядом процедур организации ходьбы в толпе, которые обусловлены практической задачей избегания столкновений. Одна из этих процедур — движение «в шахматном порядке», заключающееся в выборе такого места для последующего шага, которое бы не приводило к наступанию на ноги другим участникам, но при этом не создавало слишком больших промежутков между идущими. Эта задача решается следующим образом: участник выбирает такую траекторию движения, чтобы он/она был/а немного позади и между двумя впереди идущими, что позволяет ему/ей делать шаги в промежутке между ними, так что его/ее ноги оказываются на одной линии или даже впереди их ног, но при этом он/она не наступает на них. Применимость и релевантность данной процедуры зависит от плотности толпы: в разреженной толпе можно идти прямо за другим человеком, но соблюдая дистанцию, позволяющую не наступать тому/той на пятки. При уплотнении толпы это становится невозможно. Возникшая пустота будет либо тут же заполнена другим участником, либо будет рассматриваться в качестве легитимного повода для принудительной моральной реорганизации поведения «нарушителя» со стороны других участников.

Необходимо отметить, что следование друг за другом не предполагает игнорирование деталей того, что происходит вокруг. Скорее, производится такая фигурация деталей, при которой впереди идущий становится в феноменальном поле идущего сзади своеобразным «поводырем», то есть объектом, ориентирующим всю ситуацию и ориентированным в отношении деятельности хождения в толпе.

Остановки и торможения

Толпа ни в коем случае не представляет собой массу равномерно движущихся (или стоящих) людей. Для участников толпа — это всегда непредсказуемая фигурация локальных деталей, выступающая условием и результатом их согласованных действий. Один из феноменов, который указывает на наличие у толпы сложной внутренней организации, — остановки и торможения, которые наблюдаются даже в очень плотных толпах. В редких случаях остановки и замедления идущих вызваны неожиданными событиями вроде спотыкания или оброненной вещи. Гораздо чаще торможения и остановки связаны с ситуативной структурой толпы. Одна из причин остановок и торможений — желание пропустить вперед другого человека. В этом случае ускоряющийся участник должен продемонстрировать тому, кто будет его/ее пропускать, что собирается или готов/а воспользоваться тем проходом, который для него/нее создается. Видя, что другой либо идет быстрее, либо вынужден ускоряться, один из участников замедляется, пропуская его/ее вперед на образовавшееся пустое место. Такое действие может создавать сложности для идущих сзади, особенно если они идут быстро, поэтому тормозящий или останавливающийся должен замедляться постепенно, чтобы у позади идущих было время сориентироваться и тоже начать замедляться либо поменять свою траекторию.

Торможение становится заметным на фоне «нормального» движения толпы, в ходе которого не происходит резких остановок или ускорений. Оно оказывается в центре феноменального поля, когда возникает необходимость изменения «нормальных» процедур производства порядка ходьбы в толпе. Это «нормальное» движение, повторю, не является равномерным: толпа не движется единым фронтом, в ней есть более быстрые и менее быстрые участки, люди смещаются в различные стороны, ускоряются и замедляются, однако при этом возможности ускорения и замедления всегда являются локальными, то есть зависят от фигурации феноменальных деталей. Иллюстрацией этого тезиса служит ситуация торможения, вызванного не необходимостью пропустить другого участника, а желанием обогнать. Человек, который продвигается в толпе быстрее остальных, может внезапно «наткнуться» на спину идущего впереди, что вынудит его замедлиться. То, что он вообще может сталкиваться с подобными обстоятельствами, обусловлено тем, что в процессе движения через толпу каждый участник имеет доступ лишь к определенным феноменам, находящимся в пределах его видимости и слышимости. Участник видит только определенных окружающих, которые движутся с понятными скоростями (можно предсказать, с какой относительной скоростью они будут двигаться дальше) и по темпорально организованному (протянутому в будущее) траекториям.

Вливание в толпу и границы толпы

Границы толпы — как элемент феноменального поля — ставят перед участником ряд организационных задач. Например, когда надо

присоединиться к толпе, возникает необходимость выбора места, в котором это сделать. В целом плотность толпы и скорость стоящих в ее конце можно определить на взгляд, однако вливание в толпу требует не только такой оценки, но и использования определенных методов, позволяющих стать участником толпы. Один из этих методов — смещение вдоль заднего края толпы, пока участник не окажется в месте, позволяющем минимизировать пустоту между ним/ней и другими участниками. В данном случае подходящий к толпе может присоединиться почти в любом месте. При беглом взгляде на толпу подходящему новому участнику сразу видны «ниши», то есть те места, в которые он/она может встроиться. Эти места определяются не геометрически, а локально, исходя из местоположения конкретного участника. Он видит только те места, которые ему доступны из его «здесь».

Разумеется, толпа предоставляет не только случайные, но и систематические возможности для вливания в нее и движения в ней. Края толпы являются в этом отношении пространством, в котором возникают возможности быстрого перемещения. Это связано с тем, что в разреженной толпе участники, находящиеся с краю, держатся на определенном расстоянии от стен или ограждений, тем самым создавая «прослойку» (слабо заполненное или пустое пространство) между толпой и стеной/ограждением, которой могут пользоваться желающие пройти быстрее.

Заключение

В данной статье показано, с какими организационными обстоятельствами сталкиваются участники толпы и с помощью каких методов они их упорядочивают. Это упорядочивание заключается в создании знакомого (что не значит всегда одинакового) облика вещей и в ориентации на этот облик как на критерий адекватности совершаемых действий. Так рассмотренная толпа становится совокупностью феноменов порядка, воплощаемых в ситуативных практиках. Хотя предложенные описания повседневного опыта хождения в толпе достаточно поверхностны, ограничены и лишены многих деталей, они позволяют показать не только какие именно организационные объекты составляют толпу, но и почему эти объекты доступны лишь для определенного типа анализа — для детального анализа повседневных практик, опирающегося на феноменологию и этнометодологию.

Феноменологический/этнометодологический анализ демонстрирует, что у толпы есть внутренняя организация, и эта организация не сводится к одному принципу или «закону», объясняющему формирование и функционирование толп. В отличие от распространенного взгляда на толпу как на массовое явление, сама массовость которого очевидна, я постарался показать, что эта массовость производится в конкретных ситуациях и не является общей характеристикой любых совершаемых в толпе действий. Хождение в толпе — не менее искусная практика, чем те, которые привыкли изучать социологи (например, жизнь в семье или профессиональная

деятельность). У хождения в толпе своя практическая мудрость. Благодаря такому подходу мы получаем возможность описывать и анализировать толпу как спонтанное сообщество, в основе единства которого лежат не общие представления и не общие действия, а ориентация участников друг на друга, которая состоит в согласовании ситуативных действий посредством специфических процедур достижения порядка. Это означает, что наблюдаемые в толпе феномены общности производятся *в* ситуациях, а не *предшествуют* этим ситуациям. Общность или обобщенность происходящего в толпе заключается не в надындивидуальных последствиях действий, то есть не в формировании единой «души», или в «заражении», или в «обезличивании», а в достижении знакомости и понятности происходящего в фигурациях ситуативных деталей.

Спонтанность обычно противопоставляют упорядоченности или организованности, что особенно пагубно сказывается на социологических исследованиях, где такая точка зрения приводит к игнорированию целого пласта социальных феноменов, объявляемых «неорганизованными». Как мы видели, применение к этим «малоинтересным» практикам специфических техник анализа позволяет установить наличие в них структур порядка, которые не сводятся к традиционно понятным социальным структурам. Эти структуры становятся доступны для исследователя, только если он/она рассматривает толпу с точки зрения феноменального опыта составляющих ее людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Блумер Г.* Коллективное поведение / Пер. с англ. Д. Водотынского // Американская социологическая мысль / Под ред. В.И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 168–215.
2. *Бурдьё П.* Практический смысл / Пер. с франц. А.Т. Бикбова, К.Д. Вознесенской, С.Н. Зенкина, Н.А. Шматко; Под ред. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. — 563 с.
3. *Вебер М.* Хозяйство и общество. Т. 1: Социология / Пер. с нем. под ред. Л.Г. Иониной. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — 446 с.
4. *Гуссерль Э.* Логические исследования. Т. II (1) / Пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Гнозис, Дом интеллектуальной книги, 2001. — 472 с.
5. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Академический проект, 2009. — 490 с.
6. *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь / Пер. с нем. А. Кричевского // Логос. 2002. № 3. С. 1–12.
7. *Лебон Г.* Психология толп / Пер. с франц. А. Фридмана, Э. Пименовой // Психология толп / Сост. А.К. Боковиков. М.: КСП+, 1998. С. 13–254.
8. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия / Пер. с франц. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. СПб.: Ювента; Наука, 1999. — 608 с.
9. *Михайловский Н.К.* Герои и толпа // Герои и толпа: избранные труды по социологии в 2-х т. Т. 2. СПб.: Алетейя, 1998. С. 5–92.

10. *Московичи С.* Век толп: исторический трактат по психологии масс / Пер. с франц. Т.П. Емельяновой. М.: КСП+, 1998. — 480 с.
11. *Рейнгольд Г.* Умная толпа: новая социальная революция / Пер. с англ. А. Гарькавого. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. — 515 с.
12. *Сигеле С.* Преступная толпа: опыт коллективной психологии / Пер. с франц. А.П. Афанасьева // Преступная толпа / Сост. А.К. Боковиков. М.: КСП+, 1999. С. 13–199.
13. *Тард Г.* Мнение и толпа / Пер. с франц. под ред. П.С. Когана // Психология толп / Сост. А.К. Боковиков. М.: КСП+, 1998. С. 255–408.
14. *Тённис Ф.* Общность и общество: основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д.В. Скляднева. СПб.: Владимир Даль, 2002. — 452 с.
15. *Borch Ch.* The Politics of Crowds: An Alternative History of Sociology. N.Y.: Cambridge University Press, 2012. — 338 p. DOI: 10.1017/CBO9780511842160
16. *Collins R.* Violence: A Micro-Sociological Theory. Princeton: Princeton University Press, 2008. — 563 p.
17. *Crowds* / Ed. by J.Th. Schnapp, M. Tiewes. Stanford: Stanford University Press, 2006. — 439 p.
18. *Drury J., Stott C.J.T.* Crowds in the 21st Century: Perspectives from Contemporary Social Science. N.Y.: Routledge, 2013. — 196 p.
19. *Dunne J.* Back to the Rough Ground: Practical Judgment and the Lure of Technique. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1997. — 492 p.
20. *Easley D., Kleinberg J.* Networks, Crowds, and Markets: Reasoning About a Highly Connected World. N.Y.: Cambridge University Press, 2010. — 727 p. DOI: 10.1017/CBO9780511761942
21. *Flyvbjerg B.* Making Social Science Matter: Why Social Inquiry Fails and How it Can Succeed Again. Oxford: Cambridge University Press, 2001. — 204 p. DOI: 10.1017/CBO9780511810503
22. *Garfinkel H.* Ethnomethodology's Program: Working Out Durkheim's Aphorism. Lanham: Rowman & Littlefield, 2002. — 299 p.
23. *Garfinkel H.* Lebenswelt Origins of the Sciences: Working out Durkheim's Aphorism — Book Two: Workplace and Documentary Diversity of Ethnomethodological Studies of Work and Sciences by Ethnomethodology's Authors: What Did We Do? What Did We Learn? // Human Studies. 2007. Vol. 30. No. 1. P. 9–56. DOI: 10.1007/s10746-007-9046-9
24. *Goffman E.* Relations in Public: Microstudies of the Public Order. N.Y.: Basic Books, 1971. — 396 p.
25. *Helbing D., Buzna L., Johansson A., Werner T.* Self-Organized Pedestrian Crowd Dynamics: Experiments, Simulations, and Design Solutions // Transportation Science. 2005. Vol. 39. No. 1. P. 1–24. DOI: 10.1287/trsc.1040.0108
26. *Hughes H.* Crowd and Mass Behavior. Boston: Allyn & Bacon, 1972. — 227 p.
27. *Loftland L.H.* The Public Realm: Quintessential City Life. New York: Walter de Gruyter, 1998. — 305 p.
28. *Lynch M.* Scientific Practice and Ordinary Action: Ethnomethodology and Social Studies of Science. N.Y.: Cambridge University Press, 1993. — 333 p.
29. *McPhail C.* The Myth of the Madding Crowd. New York: de Gruyter, 1991. — 265 p.

30. *McPhail C.* The Crowd and Collective Behavior: Bringing Symbolic Interaction Back In // *Symbolic Interaction*. 2006. Vol. 29. No. 4. P. 433–464. DOI: 10.1525/si.2006.29.4.433
31. *McPhail C., Wohlstein R.T.* Individual and Collective Behaviors within Gatherings, Demonstrations, and Riots // *Annual Review of Sociology*. 1983. Vol. 9. P. 579–600. DOI: 10.1146/annurev.so.09.080183.003051
32. *McPhail C., Wohlstein R.T.* Collective Locomotion as Collective Behavior // *American Sociological Review*. 1986. Vol. 51. No. 4. P. 447–463. DOI: 10.2307/2095580
33. *Park R.E.* The Crowd and the Public // *The Crowd and the Public and Other Essays*. Chicago: University of Chicago Press, 1972. P. 1–81.
34. *Phronesis as Professional Knowledge: Practical Wisdom in the Professions* / Ed. by E.A. Kinsella, A. Pitman. Rotterdam: Sense, 2012. — 177 p.
35. *Sandine A.* The Taming of the American Crowd: From Stamp Riots to Shopping Sprees. New York: Monthly Review Press, 2009. — 272 p.
36. *Schweingruber D.S., McPhail C.* A Method for Systematically Observing and Recording Collective Action // *Sociological Methods and Research*. 1999. Vol. 27. No. 4. P. 451–498. DOI: 10.1177/0049124199027004001
37. *Simmel G.* Fundamental Problems of Sociology (Individual and Society) // *The Sociology of Georg Simmel* / Ed. by K.H. Wolff. New York: Free Press, 1950. P. 1–84.
38. *Torres E.C.* Durkheim's Concealed Sociology of the Crowd // *Durkheimian Studies*. 2014. Vol. 20. P. 89–114.
39. *Wright S.* Crowds and Riots: A Study in Social Organization. Beverly Hills: Sage, 1978. — 207 p.

Дата поступления: 05.04.2018.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL.
2018. VOL. 24. NO. 4. P. 8–29. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.4.6095

A.M. KORBUT

National Research University — Higher School of Economics,
 Moscow, Russian Federation.

Andrei M. Korbut — Candidate of Sociological Sciences, Senior Research Fellow,
 Centre for Fundamental Sociology, National Research Univer Russian Federation.
Phone: +7 (916) 889-40-71. **E-mail:** akorbut@hse.ru

THE SOCIAL ORDER AND PRACTICAL WISDOM OF WALKING IN A CROWD

Abstract. The article suggests returning to the “crowd” as an object of sociological analysis. Crowds have attracted early sociologists because crowds were visual embodiments of social forces that surpass individuals and also served as a symbol of the profound social transformations which were taking place in the late 19th and early 20th centuries. Analyzing crowds allowed for the first sociologists (G. Simmel, R. Park, M. Weber, E. Durkheim) to oppose the psychological interpretation of mass

social phenomena with a purely sociological approach. However, in the second half of the 20th century sociologists had lost almost all interest in the crowd, as it did not meet the interests of researchers of “large” social structures, nor the interests of the proponents of interactionist approaches. This article shows that the crowd can again be made interesting for sociology if we were to consider it from the point of view of the everyday practices of the participants. In these everyday practices a specific form of phronesis, i.e. practical wisdom, technical skill coupled with moral judgment about which action is good and which is not, is implemented. It is shown here that the study of the practical wisdom of walking in a crowd requires special concepts and methods that can be found in phenomenology and ethnomethodology. The article suggests using three such concepts for the analysis of crowds: phenomenal field, oriented object, and figuration of details. With the help of these concepts, the methods of the crowd’s situated social order production are analyzed in relation to the management of speed and trajectories of movement, following one another, walkers’ stopping and slowing down, and joining the crowd. This analysis shows that the joint production of the crowd’s social order by its participants is a situated practice, i.e. it consists of making the local scenes of everyday life familiar and accountable, and of assessing the local adequacy of the actions performed.

Keywords: crowd; social order; phenomenology; ethnomethodology; everyday life; phronesis; practical wisdom; social practices; subway.

For citation: Korbut A.M. Social Order and Practical Wisdom of Walking in a Crowd. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2018. Vol. 24. No. 4. P. 8–29. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.4.6095

REFERENCES

1. Blumer G. Collective Behavior. Transl. from Eng. by D. Vodotynskii. American Sociological Thought. [Russ. ed.: *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'*. Ed. by V.I. Dobren'kov. Moscow: Izd-vo MGU publ., 1994. P. 168–215.]
2. Bourdieu P. Practical Sense. [Russ. ed.: *Prakticheskii smysl*. Transl. from French by A.T. Bikbov, K.D. Voznesenskaya, S.N. Zenkin, N.A. Shmatko; Ed. by N.A. Shmatko. St Petersburg: Aleteiya publ., 2001. 563 p.]
3. Weber M. Economy and Society. Vol. 1: Sociology. [Russ. ed.: *Khozyaistvo i obshchestvo. T. I: Sotsiologiya*. Ed. by L.G. Ionin. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki publ., 2016. 446 p.]
4. Husserl E. Logical Investigations. Vol. II (1). [Russ. ed.: *Logicheskie issledovaniya. Vol. II (1)*. Transl. from Germ. by V.I. Molchanov. Moscow: Gnozis, Dom intellektual'noi knigi publ., 2001. 472 p.]
5. Gusserl' E. Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. First Book. [Russ. ed.: *Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii. Kniga pervaya*. Transl. from Germ. by A.V. Mikhailov. Moscow: Akademicheskii proekt publ., 2009. 490 p.]
6. Zimmel G. The Metropolis and Mental Life. Transl. from Germ. by A. Krichevskii. *Logos*. 2002. No. 3. P. 1–12. (In Russ.)
7. Lebon G. Psychology of Crowds. Transl. from French by A. Fridman, E. Pimenova. Psychology of Crowds. [Russ. ed.: *Psikhologiya tolpy*. Select. by A.K. Bokovikov. Moscow: KSP+ publ., 1998. P. 13–254.]
8. Merlo-Ponti M. The Phenomenology of Perception. [Russ. ed.: *Fenomenologiya vospriyatiya*. Ed. by I.S. Vdovina, S.L. Fokin. St Petersburg: Yuventa; Nauka, publ., 1999. 608 p.]

9. Mikhailovskii N.K. Heroes and the Crowd. *Geroi i tolpa: izbrannye trudy po sotsiologii v 2-kh t. Vol. 2.* [Heroes and the Crowd: Selected Works in Sociology. Vol. 2.] St Petersburg: Aleteiya publ., 1998. P. 5–92. (In Russ.)
10. Moskovichi S. The Age of the Crowd: A Historical Treatise on Mass Psychology. [Russ. ed: *Vek tolpa: istoricheskii traktat po psikhologii mass.* Transl. from French T.P. Emel'yanova. Moscow: KSP+ publ., 1998. 480 p.]
11. Reinhold G. Smart Mobs: The Next Social Revolution. [Russ. ed.: *Umnaya tolpa: novaya sotsial'naya revolyutsiya.* Transl. from Eng. by A. Gar'kavyi. Moscow: FAIR-PRESS publ., 2000. 515 p.]
12. Sigle S. The Criminal Crowd: An Essay in Collective Psychology. Transl. from French by A.P. Afanas'ev. The Criminal Crowd. [Russ. ed.: *Prestupnaya tolpa.* Select. by A.K. Bokovikov. Moscow: KSP+ publ., 1999. P. 13–199.]
13. Tarde G. Opinion and the Crowd. Ed. by P.S. Kogan. Psychology of Crowds. [Russ. ed.: *Psikhologiya tolpa. Psychology of Crowds.* Select. by A. K. Bokovikov. Moscow: KSP+ publ., 1998. P. 255–408.]
14. Tönnies F. Community and Civil Society: Fundamental Concepts in Pure Sociology. [Russ. ed.: *Obshchnost' i obshchestvo: osnovnye ponyatiya chistoi sotsiologii.* Transl. from Germ. by D.V. Sklyadnev. St Petersburg: Vladimir Dal' publ., 2002. 452 p.]
15. Borch Ch. *The Politics of Crowds: An Alternative History of Sociology.* N.Y.: Cambridge University Press, 2012. 338 p. DOI: 10.1017/CBO9780511842160
16. Collins R. *Violence: A Micro-Sociological Theory.* Princeton: Princeton University Press, 2008. 563 p.
17. *Crowds.* Ed. by J.Th. Schnapp, M. Tiew. Stanford: Stanford University Press, 2006. 439 p.
18. Drury J., Stott C.J.T. *Crowds in the 21st Century: Perspectives from Contemporary Social Science.* N.Y.: Routledge, 2013. 196 p.
19. Dunne J. *Back to the Rough Ground: Practical Judgment and the Lure of Technique.* Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1997. 492 p.
20. Easley D., Kleinberg J. *Networks, Crowds, and Markets: Reasoning About a Highly Connected World.* N.Y.: Cambridge University Press, 2010. 727 p. DOI: 10.1017/CBO9780511761942
21. Flyvbjerg B. *Making Social Science Matter: Why Social Inquiry Fails and How it Can Succeed Again.* Oxford: Cambridge University Press, 2001. 204 p. DOI: 10.1017/CBO9780511810503
22. Garfinkel H. *Ethnomethodology's Program: Working Out Durkheim's Aphorism.* Lanham: Rowman & Littlefield, 2002. 299 p.
23. Garfinkel H. Lebenswelt Origins of the Sciences: Working out Durkheim's Aphorism — Book Two: Workplace and Documentary Diversity of Ethnomethodological Studies of Work and Sciences by Ethnomethodology's Authors: What Did We Do? What Did We Learn? *Human Studies.* 2007. Vol. 30. No. 1. P. 9–56. DOI: 10.1007/s10746-007-9046-9
24. Goffman E. *Relations in Public: Microstudies of the Public Order.* N.Y.: Basic Books, 1971. 396 p.
25. Helbing D., Buzna L., Johansson A., Werner T. Self-Organized Pedestrian Crowd Dynamics: Experiments, Simulations, and Design Solutions. *Transportation Science.* 2005. Vol. 39. No. 1. P. 1–24. DOI: 10.1287/trsc.1040.0108
26. Hughes H. *Crowd and Mass Behavior.* Boston: Allyn & Bacon, 1972. 227 p.
27. Lofland L.H. *The Public Realm: Quintessential City Life.* N.Y.: Walter de Gruyter, 1998. 305 p.
28. Lynch M. *Scientific Practice and Ordinary Action: Ethnomethodology and Social Studies of Science.* N.Y.: Cambridge University Press, 1993. 333 p.
29. McPhail C. *The Myth of the Madding Crowd.* N.Y.: de Gruyter, 1991. 265 p.

30. McPhail C. The Crowd and Collective Behavior: Bringing Symbolic Interaction Back In. *Symbolic Interaction*. 2006. Vol. 29. No. 4. P. 433–464. DOI: 10.1525/si.2006.29.4.433
31. McPhail C., Wohlstein R.T. Individual and Collective Behaviors within Gatherings, Demonstrations, and Riots. *Annual Review of Sociology*. 1983. Vol. 9. P. 579–600. DOI: 10.1146/annurev.so.09.080183.003051
32. McPhail C., Wohlstein R.T. Collective Locomotion as Collective Behavior. *American Sociological Review*. 1986. Vol. 51. No. 4. P. 447–463. DOI: 10.2307/2095580
33. Park R.E. *The Crowd and the Public. The Crowd and the Public and Other Essays*. Chicago: University of Chicago Press, 1972. P. 1–81.
34. *Phronesis as Professional Knowledge: Practical Wisdom in the Professions*. Ed. by E.A. Kinsella, A. Pitman. Rotterdam: Sense, 2012. 177 p.
35. Sandine A. *The Taming of the American Crowd: From Stamp Riots to Shopping Sprees*. N.Y.: Monthly Review Press, 2009. 272 p.
36. Schweingruber D.S., McPhail C. A Method for Systematically Observing and Recording Collective Action. *Sociological Methods and Research*. 1999. Vol. 27. No. 4. P. 451–498. DOI: 10.1177/0049124199027004001
37. Simmel G. Fundamental Problems of Sociology (Individual and Society). *The Sociology of Georg Simmel*. Ed. by K.H. Wolff. N.Y.: Free Press, 1950. P. 1–84.
38. Torres E.C. Durkheim's Concealed Sociology of the Crowd. *Durkheimian Studies*. 2014. Vol. 20. P. 89–114.
39. Wright S. *Crowds and Riots: A Study in Social Organization*. Beverly Hills: Sage, 1978. 207 p.

Received: 05.04.2018.
